

— Но ведь мне нездоровится, разве мне не следует принять лекарство? — Императрица приняла шелковую салфетку из рук Ланьсян и слегка прижала её к уголкам губ.

— Ваше Величество, ваша хворь — не болезнь, а лишь недомогание от летнего зноя. Этот ледяной фруктовый щербет как раз поможет охладиться. Стоит жару уйти, и вам сразу станет легче, — Тун Даоцзюнь не моргнув глазом говорил небылицы.

— Хм, звучит разумно. Сейчас я и впрямь чувствую, что со мной всё в порядке.

Насладившись щербетом, Императрица радостно удалилась, и даже походка её стала заметно легче. Внезапно Тун Даоцзюнь оказался в знакомых объятиях — Шао Лиюй уткнулся лицом ему в шею. Подняв руку и погладив его по голове, Тун Даоцзюнь недоумённо спросил:

— Что случилось?

— Я не знаю, что именно ты использовал, но это наверняка было что-то невероятно ценное...

Шао Лиюй сразу понял, что слова Тун Даоцзюня были лишь уловкой, чтобы порадовать мать. Когда Императрица пришла, он чувствовал, что она едва держится на ногах, но стоило ей съесть этот щербет, как она словно мгновенно исцелилась.

— Вещь редкая, но не настолько, чтобы называть её бесценной.

Очки плоскости он мог получить, лишь успешно выполнив миссию по контратаке против Сына Судьбы. Это действительно было нелегко, а что касается ценности — у него оставалось ещё более двухсот очков, хотя лимит для этого мира был исчерпан. Видя состояние Шао Лиюя, Тун Даоцзюнь не удержался от того, чтобы поддразнить его:

— Ну, если ты действительно хочешь меня отблагодарить, как насчёт того, чтобы отдать мне себя?

— Хорошо. Из жизни в жизнь, только ты один. — Шао Лиюй обнял его еще крепче.

Этот человек принадлежал ему, и сейчас он был надёжно заключён в его объятиях. Тун Даоцзюнь улыбнулся.

Став наложником Шао Цзисюна, Цзянь Цзяньжэнь почувствовал, будто попал в бесконечный ад, а Шао Цзисюн стал для него демоном из преисподней. Шао Цзисюн считал, что его заточение, лишение титула и насмешки всей столицы — всё это произошло из-за Цзянь Цзяньжэня. Если бы он тогда не поддался на уговоры этого змееподобного человека, разве

оказался бы в таком положении?

Поэтому он вымещал всю свою ярость на Цзянь Цзяньжэне. Раз тот любит подставляться под мужчин, то он предоставит ему такую возможность. Хотя Шао Цзисюну было запрещено покидать Дворец Жунсюн, он мог призывать стражников и заставлять их силой прижимать Цзянь Цзяньжэня к земле. Поначалу Цзянь Цзяньжэнь яростно сопротивлялся: хоть он был худощав, но владел боевыми искусствами, и немало стражников пострадали от его рук.

Тогда Шао Цзисюн без колебаний приказал перерезать ему сухожилия на руках и ногах, лишив его всякой силы. Слушая душераздирающие крики Цзянь Цзяньжэня, Шао Цзисюн чувствовал прилив бесконечного наслаждения. Не в силах сопротивляться, Цзянь Цзяньжэнь терпел надругательства стражников, но его тело оказалось поразительно выносливым — как бы те ни издевались, он всё выносил.

Он ненавидел всех: Цзянь Хуншу, Шао Цзисюна, Цзянь Чуцина, Императора... все они заслуживали смерти!

Время шло, и срок трёхмесячного домашнего ареста Цзянь Чуцина истёк. Впервые с момента прибытия в этот мир Тун Даоцзюнь увидел, как Цзянь Чуцин вошёл в его двор. Он медленно достал из банки молочную конфету, положил в рот и, глядя на мрачного человека, который сверлил его ненавидящим взглядом, слегка изогнул губы в ослепительной улыбке.

— Я-то думал, что случилось нечто грандиозное, а отец говорит об этом. — Тун Даоцзюнь не спеша встал, закрыл банку крышкой и произнёс: — Отец, подождите здесь.

Он обошёл ширму, зашёл во внутренние покои и вскоре вернулся, протягивая аккуратно сложенный лист бумаги.

— Вот контракт о продаже в рабство Чуньхэ.

Цзянь Чуцин ожидал, что придётся устроить скандал, чтобы заполучить этот контракт, и не ожидал, что сын так легко его отдаст. Он на мгновение опешил, впервые по-настоящему взглядевшись в этого законного сына, которого всегда недолюбливал. По сравнению с Цзянь Цзяньжэнем, этот юноша, рождённый от низкородной купчихи, был куда достойнее.

Его мрачное выражение лица смягчилось, он взял бумагу и спросил:

— Я собираюсь сделать Чуньхэ своей наложницей, тебе есть что сказать?

Тун Даоцзюнь мягко улыбнулся:

— Мать скончалась уже год назад, срок траура истёк. Как сын, могу ли я препятствовать отцу? Вы в самом расцвете сил, вам подобает иметь кого-то рядом для заботы.

Не возьмёшь наложницу — кто тогда будет грызться с Шуй Чжуся? Где мне тогда искать развлечения? — мысленно усмехнулся Тун Даоцзюнь.

— Хм. — Эти слова пришлись Цзянь Чуцину по душе. Спрятав контракт за пазуху и напоследок сухо отчитав сына за то, чтобы тот лучше налаживал связи с Первым принцем, он поспешно удалился.

— Хи-хи-хи, если бы папаша-негодяй знал, что Первый принц уже залез к тебе в постель и ваши отношения зашли так далеко, интересно, какое бы у него было лицо, — подал голос V587.

— Я бы тоже хотел на это посмотреть. Наверняка зрелище было бы захватывающее. Жаль, я не хочу, чтобы он об этом знал.

Когда Шуй Чжуся узнала, что Цзянь Чуцин сделал Чуньхэ наложницей, она не могла в это поверить. Её домашний арест закончился месяц назад, но в последнее время Цзянь Чуцин избегал встреч с ней, а если они и пересекались, он не жаловал её добрым словом. Она как раз ломала голову, как вернуть его расположение, и тут — такая новость.

Для Шуй Чжуся это было ударом. Хотя она родила Цзянь Чуцину сына, он так и не дал ей официального статуса. Без его признания и любви она — никто. Теперь же её сын стал наложником Третьего принца и заперт во дворце, откуда не было никаких вестей, но ясно было, что жизнь Цзянь Цзяньжэня там не сахар.

Её лицо помрачнело, и она решила проучить эту подлую девку Чуньхэ.

Чуньхэ с пренебрежением выбросила в угол грубое льняное платье и облачилась в нежный розовый шёлк, который делал её ещё более очаровательной. Цзянь Чуцин теперь души в ней не чаял. Хотя статус наложницы не предполагал свадебной ночи, вчера она выпросила у него близости и обслужила так, что он остался крайне доволен. Сегодня он одарил её украшениями и дорогими тканями, и она, не удержавшись, нарядилась во всё сразу.

Хотя наложница оставалась служанкой, она была выше прислуги в поместье. Раньше у неё не могло быть собственного дворика, но так как Цзянь Чуцин не жаловал Шуй Чжуся, он выделил Чуньхэ Павильон Ароматного Лотоса в Западном дворе.

Только она закончила одеваться, как дверь распахнулась, и на пороге появилась разъярённая Шуй Чжуся, одарив её полным презрения взглядом. Чуньхэ медленно поднялась, погладила свои чёрные волосы и легко улыбнулась.

— Какой ветер занёс вас сюда, Шуй... хм? Как мне теперь вас величать?

Видя это жеманство, Шуй Чжуся вскипела:

— Ты, бесстыжая девка! Это ты так охмурила господина Цзяня своими лисьими повадками?!

Чуньхэ ничуть не смутилась, прикрыла рот рукавом и, игриво сверкнув глазами, ответила:

— Пусть я девка, но разве вы лучше? Хотя я теперь и наложница, официально введённая в дом маркиза, а вы... кто вы такая? Ой, просто шлюха, что сошлась с мужчиной без свадебных обрядов, ха-ха...

— Ты... — Шуй Чжуся не ожидала, что метод, который она сама использовала, чтобы повысить свой статус, станет ножом, которым теперь разит её эта служанка, причём прямо в сердце.

— Ц-ц-ц, Хозяин, у вас отличный вкус. Боевой дух этой Чуньхэ... посмотрите, Шуй Чжуся аж позеленела от ярости, — заметил V587.

— Если бы она не могла постоять за себя, разве она попала бы в поле моего зрения? Хех, смерть иногда — избавление, а жизнь порой тяжелее смерти. Хорошие деньки Шуй Чжуся подходят к концу.

Наблюдая на интерфейсе, как две женщины обмениваются ядовитыми насмешками и уже готовы перейти к драке, Тун Даоцзюнь, закинув ногу на ногу, лениво откинулся на кушетку. Перед ним лежала книга, в руке — груша. Откусив кусочек, он наслаждался сладким соком.

— Я должен учить трактаты, а ты здесь объедаешься? Разве так подобает вести себя наставнику? — Шао Лиюй заглянул из-за спинки кресла, наклонился и поцеловал его в губы, влажным языком слизнув капельку сока с уголка его рта. — Очень сладко.

Тун Даоцзюнь отложил недоеденную грушу, обнял его и ответил на поцелуй. Когда они наконец отстранились, он спросил:

— Что было сладким — груша или мои губы?

Тун Даоцзюнь считал, что жизнь в последнее время стала слишком приятной. Каждый день он проводил за чтением книг, разбором стратегий, шахматами и игрой на цитре со своим возлюбленным, а в свободное время вместе с V587 наблюдал за «войной» в поместье.

Теперь ему достаточно было лишь следить за тем, чтобы V587 вёл наблюдение, и прогресс миссии по контратаке рос сам собой. В поместье маркиза Цзинань конфликт между Чуньхэ и Шуй Чжуся разгорался всё сильнее, и Чуньхэ, пользовавшаяся благосклонностью Цзянь Чуцина, явно брала верх.

В гареме Императора, после выздоровления Императрицы, началась настоящая битва с Императорской наложницей. Их вражда взбудоражила не только дворец, но и весь двор, грозя перерасти в нечто большее.

А затем Цзянь Цзяньжэнь, запертый в Дворце Жунсюн, окончательно перестал терпеть издевательства Шао Цзисюна.

— А-а-а! — раздались крики дворцовых служанок. Посуда с грохотом упала на пол. На полу в спальне лежал человек — глаза вытаращены, изо рта пена, лицо посинело, тело уже окоченело.

— Хозяин!!!

V587 разбудил Тун Даоцзюня своим криком. Тот резко сел, разбудив и того, кто спал рядом. Шао Лиюй открыл глаза, взгляд его был ясным, совсем не похожим на человека, который только что проснулся.

— Что случилось?

Сегодня из-за «затянувшихся» дел Первый принц проявил милосердие и позволил наставнику Цзяню заночевать во дворце. Тун Даоцзюнь посмотрел на видео в интерфейсе, которое транслировал V587, и тихо улыбнулся:

— Ничего, просто вспомнил кое-что.

— Поздравляю Хозяина с завершением основной точки миссии по контратаке. Прогресс — 98%.

— Не ожидал, что Цзянь Цзяньжэнь так быстро решится на это, — холодно произнёс Тун Даоцзюнь, глядя на окоченевший труп.

С тех пор как Цзянь Цзяньжэня сделали наложником, он приказал V587 следить за ним круглосуточно. Ведь сопротивление человека, загнанного в угол, самое страшное — терять-то нечего. Он прекрасно знал обо всём, что Шао Цзисюн творил с Цзянь Цзяньжэнем, но не испытывал ни капли жалости: Цзянь Цзяньжэнь сам навлёк на себя такую судьбу. Да и что такое сострадание? Он давно забыл о нём. Жалеть тех, кто желает тебе зла? У него нет такой болезни.

Внезапно подбородок Тун Даоцзюня сжали, и он встретился взглядом с глубокими, узкими глазами Шао Лиюя. Тот нахмурился:

— Наставник, о чём вы таком думаете, что у вас столь странное выражение лица? Неужели замышляете какую-то пакость?

Поскольку Тун Даоцзюнь был его наставником, Шао Лиюй иногда в шутку называл его так, особенно когда они были близки.

Тун Даоцзюнь улыбнулся, приник к его губам и прошептал:

— Разве ты не знаешь, замышляю я что-то или нет?

В тот момент, когда Шао Лиюй собрался обнять его, за дверью раздался голос управляющего Дворца Чунли:

— Ваше Высочество, Его Величество прислал гонца, просит вас немедленно явиться.

Шао Лиюй недовольно нахмурился, с неохотой отпустил тёплое тело, велел Тун Даоцзюню спать дальше и начал одеваться:

— Известно, что случилось?

— Гонец не сказал, велел лишь поторопиться.

— Хорошо.

Тун Даоцзюнь не стал ложиться, помог ему одеться, а когда Шао Лиюй ушёл, снова завалился в кровать.

— Хозяин, вы не собираетесь сказать Первому принцу, что это дело рук Цзянь Цзяньжэня? — спросил V587.

Сын Судьбы связывал воедино удачу всего мира, и если он умрёт, мир может рухнуть. Но по мере выполнения миссии удача Цзянь Цзяньжэня истончалась, словно нож отрезал её кусок за куском. Теперь система видела, что удачи почти не осталось, так что даже если правда вскроется и Цзянь Цзяньжэня казнят, мир устоит.

— Нет нужды, он сам себя погубит, — глаза Тун Даоцзюня блеснули.

Слова Тун Даоцзюня оказались пророческими. Третий принц Шао Цзисюн скончался в своей

спальне. В ту ночь он никого не вызывал, и лишь когда служанки, не дождавшись ответа, выбили дверь, они нашли его на полу с пеной у рта и уже окоченевшим телом.

Узнав о смерти сына, Императорская наложница была раздавлена горем, а Император был в ярости. Он приказал расследовать дело, но врачи не нашли ни следов яда, ни повреждений, списав всё на внезапную смерть. Император вздохнул, посмертно даровал Шао Цзисюну титул «Князь Цзинь» и похоронил в Храме Аньхунь, отправив туда же всех его наложников, включая Цзянь Цзяньжэня.

После смерти Шао Цзисюна фракция Правого канцлера начала терять влияние, а Императорская наложница слегла от горя. Вскоре в поместье маркиза Цзинань разразился новый скандал: внезапно скончалась наложница Чуньхэ. При сборах тела обнаружилось, что она была на втором месяце беременности.

Цзянь Чуцин, разъярённый потерей наследника, приказал лучшему врачу найти причину. В остатках чая в чашке, стоявшей рядом с телом, был обнаружен редкий яд, не имеющий ни цвета, ни запаха, добываемый из рыбы в глубинах реки Линнань.

Пока врач докладывал об этом Цзянь Чуцину, кто-то опередил его и подал жалобу в суд — это была матушка Хэ. Чуньхэ была человеком общительным и поддерживала хорошие отношения с людьми из двора Тун Даоцзюня. Жалоба матушки Хэ привела к тому, что дело попало в руки сторонников Правого канцлера, а оттуда — к Императорской наложнице. Вскрылась связь между Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнем.

Цзянь Цзяньжэня вытащили из Храма Аньхунь. Он кричал о своей невинности, но кто бы его слушал? В итоге он и Шуй Чжуся были брошены в тюрьму, где после пыток Шуй Чжуся взяла всю вину на себя. Оба были приговорены к казни.

Как раз когда фракция Правого канцлера собиралась нанести удар по поместью маркиза Цзинань, с севера пришли тревожные вести: напали варвары. Цзянь Чуцин, зная, что поместье в опале, вызвался возглавить армию, чтобы искупить вину. Но он оказался никчемным полководцем: за месяц он потерял три города и был тяжело ранен.

Шао Лиюй и Тун Даоцзюнь вызвались на фронт. Император дал добро, пригрозив Тун Даоцзюню казнью в случае неудачи. Они не подвели: за месяц вернули три города, а за два года полностью покорили варваров, превратив их земли в вассальное государство Великой Юй.

Весной двадцать первого года эры Чэньюань армия триумфально вернулась в столицу. Летом двадцать второго года Император тяжело заболел и назначил Шао Лиюя наследным принцем. Осенью скончалась Императрица, зимой — Император. Наследник взошёл на трон, провозгласив эру Тяньжуй.

Когда прекрасный император поднялся по ступеням к трону, а чиновники пали ниц, провозглашая «десять тысяч лет», V587 произнёс:

— Поздравляю Хозяина с завершением миссии. Прогресс — 100%. Желаете покинуть этот мир и перейти в следующий?

Тун Даоцзюнь смотрел на императора, чьи глаза встретились с его собственными, и невольно улыбнулся. Раньше, выполнив задание, он уходил без колебаний. Но здесь у него был человек, которого он не мог оставить.

— Я останусь с ним до конца моих дней.

<http://bllate.org/book/22155/2307819>